

УДК 808.26-541.2

В.И. Сенкевич**ВАРИАТИВНОСТЬ: ПЕРЕМЕНЫ/ИЗМЕНЕНИЯ
В РАЗВИТИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ЯЗЫКА**

Рассматриваются типы языковой вариативности, связанные с категорией тождества и различия. Отмечается парадигматическая производность альтернативной вариативности и деривационная продуктивность вариативности селективной, исследуются их связи с категориями «историческое» и «архаическое».

1.0. Фундаментальные для языка категории тождества и различия проявляются в разного рода переменных, происходящих с языковыми объектами в процессе их развития, и в различного вида изменениях, совершающихся в результате функционирования языка как важнейшего средства общения. Важно видеть и существенно замечать: предмет изменился определённым образом или с объектом (субъектом) произошли известные (заметные или незаметные) перемены. Перемена как момент развития не разрушает тождества объекта (субъекта) – при всех метаморфозах (превращениях) и связанных с ними переменных референт становится иным, оставаясь при этом тем же самым («самим собой»); в случае же изменений имеет место преобразование, приводящее к другому виду (образу) предмета или лица.

1.1. Перемены осмысливаются в категориях тождества и подобия. Переменился – значит утратил подобие («стал на себя не похож», «стал трудно узнаваемым»). Происходящие перемены связаны с субстанциальным становлением; они втянуты в эволюционный процесс, в котором проявляется та или иная необходимость, т.е. закон: *стала ночь, настало лето, стал вопрос, стать на ноги, стать на путь, стать взрослым, погода установилась, установился мир* и т.п. Реальность – калейдоскопическая метаморфоза, где непрерывно осуществляется становление. Каждое мгновение в реальном мире происходят позитивные или негативные перемены. Становясь иным, нечто, однако, не превращается в другое. Происходящее не знает «другого». В результате произошедших перемен реальность или утрачивается подобие с предыдущим состоянием, или же сохраняет и укрепляет свою идентичность. Иному противостоит тождественное – то самое (ср.: *то* или *иное*), т.е. то, что остаётся неизменным при всех его превращениях.

Существенным моментом всяких перемен является их процессуальность – перемены не совершаются (делаются), а происходят. Моментом происхождения отрицается их формально-логический характер. Перемены реальны, обладают этимологическим статусом, связаны с развитием, а не функционированием.

Когда говорят о переменных, то подразумевают те или иные модификации в бытийном (внутреннем) состоянии субъекта-объекта (ср.: *быть в состоянии кризиса, быть в состоянии опьянения; находится в жидком (твёрдом, газообразном и т.п.) состоянии*). Всякое состояние является состоянием преемственным, произошедшим (унаследованным) из предшествующего состояния. Последующее и предыдущее состояние сопоставляются; в результате сопоставления улавливается разница (несходство) между двумя состояниями одного и того же объекта или разными объектами. Физическая сфера изоморфна сфере метафизической (духовной): «Дух не вещен – он цепь состояний. Духовное состояние есть не что иное, как соотношение между состоянием предшествующим и последующим. <...> Печаль и радость вырастают

одна из другой, и обе представляют разные стадии единого физиологического процесса, который в свою очередь является состоянием материи или видом энергии» [1, с. 71].

1.1.1. В отличие от перемен изменения имеют отношение к различию и видению мира (ср.: *найти разницу*, но: *увидеть различие*). Различие наблюдается «среди других»; т.е. имеет опосредованный характер; предметы отличаются «друг от друга». Для того чтобы увидеть различие в предмете надо прибегнуть к логическому действию – сравнить его с другими предметами одного вида (всё познаётся в сравнении). Различающиеся предметы имеют свой образ – они своеобразны и многообразны. Образ предмета – альтернатива реальному состоянию объекта.

Изменения соотносятся с внешней потребностью – модальным «надо»; они – результат действия, в котором задействована сознательная воля агента: *Надо было несколько изменить конструкцию основного типа самолёта* (Первенцев). *Я не изменил своих убеждений* (Чехов). *Революция изменила всё существо человека, вплоть до его способности мечтать* (Паустовский).

Изменение – термин положения (полагания, целеполагания), а не состояния. В положении присутствует потребность и возможность, однако нет категорической необходимости – «надо» не значит «необходимо»: (ср.: *надо полагать*; *не положено* – не дозволено; ср.: *состояние дел*, однако: *общественное положение*). Положение – концепт отношения, предполагающего внешнее место (местоположение); состояние же категория абсолютного, предусматривающего нахождение (внутреннее место) и роль.

Не связанным с развитием изменениям не свойственна преемственность; они имеют системно-функциональный, т.е. зависимый характер.

1.2. Изменениям/переменам соответствуют два типа вариативности языка и его элементов/единиц: 1) альтернативная вариативность и 2) селективная вариативность.

1.2.1. Альтернативная вариативность. В основу альтернативной вариативности положено представление о различии. Вариативность – изменчивость (лат. *variant (variantis)* ‘изменяющийся’, *variare* ‘изменять, видоизменять’ (СИС). Изменение понимается как действие, направленное на преобразование чего-либо (*изменить внешний вид, изменить форму, изменить порядок* и т.д.). Изменённый в результате преобразования предмет предстаёт как «другой»: *изменить* – значит ‘сделать другим’, *измениться* – значит преобразоваться, получить другой вид (форму). Преобразованные предметы образуют множества элементов, в которых каждый элемент – другой – не такой, как остальные (имеет «свое лицо»), т.е. отличается от других элементов дифференциальными признаками. Альтернативная вариативность привязана к форме и служит отношениям типа «порядок». Иначе такой вид языковых изменений можно назвать формальными (или грамматическими).

Альтернативная вариативность имеет отношение к выбору, основанному на логической дизъюнкции («или–или»); в ней повсеместно используются бинарные оппозиции для классификации; она приемлет закон исключения третьего. Каждый вариант – другой (альтернант); все варианты могут быть сведены к общему инварианту. Так, альтернативой будет каждый из членов раздельного суждения, сложенного по схемам: *С есть или P1 или P2; С есть или P1, или P2, или P3*.

1.2.1.1. Основываясь на дифференциации, альтернативная вариативность относится к отражению мира сознанием (к миру «как таковому»), а не к миру реальному («самому по себе»), воспринимаемому носителем языка. «В самом деле нигде: ни на небе, ни на земле, ни в духовном мире, ни в мире природы – нет того абстрактного «или–или», которое утверждается рассудком», а «всё где-л. существующее есть конкретное...» [2, с. 258].

Принцип дифференциации является не только основополагающим принципом всякого знания, но и всякой системы, в том числе и языка как системы знаков. С различием связано представление о значимости и ценности. Значимость каждого элемента в системе определяется его положением среди других элементов этой системы. Все системообразующие элементы «определяются не положительно своим содержанием, но отрицательно своим отношением с другими элементами системы. Характеризуются они в основном именно тем, что они не такие, как другие» [3, с. 67].

Принцип дифференциация – основной принцип образования парадигм (микросистем) в языке. «В языке, как и во всякой знаковой системе, то, чем знак отличается, и есть всё, что его составляет. Различие создаёт отличительное свойство, оно же создаёт значимость и единицу [3, с.70]. Язык и его элементы альтернативны и вариативны по своей природе.⁵ Альтернативная вариативность имеет парадигматический характер. Так, в можем представить лексическую микросистему с заранее заданными отношениями элементов: *бомба* – или *фугасная бомба*, или *водородная бомба*, или *атомная бомба*, или... Принцип альтернативной вариативности повсеместно представлен в грамматической парадигматике. Так слово *стол* может использоваться в предложении или в начальной форме – *стол*, или в форме Р.п. – *стола*, или в форме Д.п. – *столу* и т.д. Каждая форма имеет значимость только потому, что она отличается от других форм, имеет «свой образ-вид». «Основной принцип существования чего бы то ни было в рамках языка – это принцип противопоставления; нечто существует в языке лишь в той мере, в какой оно противопоставляется чему-то другому, связанному с ним, но отличному от него» [4, с. 144].

На альтернативной вариативности основывается всякое творчество, в том числе такое художественное творчества. Чем больше различий, тем выше степень своеобразия изображаемого предмета. Своеобразие – основополагающий концепт искусства, в том числе и словесного искусства – художественной литературы. Во всяком искусстве ценность представляет именно «художественное своеобразие».

Стремлением к своеобразию определяется сознательная жизнь в общественной системе – обществе. Осознание по принципу «*X не такая, как Y*», «*X другая*» формируют представление о социальной ценности (значимости) лица, стремящегося к своему образу, т.е. к отличию от других лиц. Наоборот, положение «все вы такие» отрицается ценность социального элемента. Доказательством тому является существование в языковом сознании своеобразного типа обобщающего отчуждения по формуле «*Все S суть P*», отрицающего своеобразие и, следовательно, социальную ценность лица: бел. *Усе вы хлусіце. Гаворыце адно, а робіце другое. Мой бацька таксама дома маці кляўся... І ты такі, усе вы такія, я нікому з вас не веру* (Гаўрылкін); *І Мар'ян, і ты, маці, – усе вы аднолькавыя!* – *казаў злосна Мікола* (Бядуля). – *Гаркуша ледзь прыкметна ўсміхнуўся. – А ўсе вы такія...* (Кусянкоў); – *Усе яны – адзінакавыя, што мая бывшая, што – твая* (Гігевіч); – *Усе вы такія: як знайшоў абніматку, дак забыўся ў родную матку* (Кусянкоў); – *Усе вы мужчыны аднолькавыя. Каб толькі вам служыў, тады вы добрыя* (Дамашэвіч); – *Усе вы аднолькавыя! Можаш ехаць, я лепшага знайду* (Савоська).

⁵ Альтернативность возможна только благодаря противоположению. Характерно в этом отношении замечание российского экс-президента Б.М. Ельцина: «Термин «оппозиция» у нас имеет неприятный оттенок. Произносят его с трудом. На полпути было найдено слово «альтернатива» и «плюрализм». На реплику интервьюера: «Мне кажется, что «оппозиция» и «альтернатива» – это одно и то же», – Ельцин продолжил: «В принципе да. Но никто не хочет это признавать» («Аргументы и факты». –1989. – № 27).

Отмеченный тип языкового сознания представлен в разряде устойчивых оборотов: бел. – *Эх, бабы, бабы! Усе вы на адзін лад* (Міровіч); – *Усе вы аднаго крою, прыкідаецца ягнятамі, каб ашукаць ды даць лататы* (Хадкевіч); – *Баюся я гэтых жанчын. Баюся, каб каторая кругом спадніцы танцаваць не прымусіла. Колькі я ведаў іх – і ўсе на адзін капыл!* (Макаёнак); – *Так я вам і паверыла! Усе вы, мужчыны, зроблены на адзін капыл!* (Гурскі); *Яны (вышэйшыя камандзіры) яму (Асавіку) здаваліся ўсе на адзін твар...* (Дамашэвіч); *І міжволі прыходзіць у галаву думку, што ўсе выканклмаўскія дробныя клеркі з аднаго цеста выпечаны* (Капыловіч); – *Усе адным мірам мазаны. Урваць, ухапіць, дзе што не на месцы ляжыць* (Казько); *А яна (Галя) засмяялася і кажа: – Мама! Ноччу ўсе каты шэрыя!* (Савоська); – *Усе ў ложку аднолькавыя...* – *памкнуўся ён (Жыоўскі) бліжэй, губляючы раўнавагу...* (Бондар); – *Усе вы бараны бязмозгія! На сваіх падняліся* (Грахоўскі). Ср.: *Еўдакія Карпаўна, пачырванеўшы ад гневу, як адрэзала: – Я – не ўсе. Панятна. У нас ураўнілаўкі няма* (Рудова).

Представление о ценности высказывается в оценочном мнении – оценке, разновидностью которой выступае альтернативное «лучшее»: – *Таких людей немного; он из лучших, даже лучший здесь* (И. Гончаров); *Мы на него (Павлушу) смотрели как на лучшего из лучших* (Фурманов). Относительный характер всякой оценки очевиден – может быть «лучший из худших».

1.2.2. Селективная вариативность. Различие альтернативной и селективной вариативность замечается в сопоставлении действий/процедур – выбор и отбор. Выбирают, основываясь на заранее заданных свойствах предметов (*выбранные представители*), отбирают же исходя из реальных качеств объектов (ср.: *отборное зерно, отборные ягоды*).

Селективность (лат. *selektio* – отбор) глобально проявляется в человеческой деятельности, особенно в сфере техники и разного рода оперативных предприятий. Так, селективностью в радиотехнике называют способность приёмника реагировать только на радиосигналы той станции, на волну которой он настроен, и не реагировать на иные станции, посылающие волны иной протяжённости. Селекционером можно назвать того, кто перебирает овощи, отбраковывая непригодные, пропалывает огород, обрезает деревья и т.п. Селективность связана с санитарией: ловля мышей, уничтожение вредных насекомых и т.п. Селекционером является хирург, как и всякий субъект, занимающийся оперативной деятельностью (например, ловля преступников). Селективной деятельностью занимается следователь, перепробовавший разные версии и остановившийся на одной, которая и оказалась верной. Подходящую версию ищет поэт, изводящий «единого слова ради тысячи тонн словесной руды»⁶. Поисками и обретением научной истины занимается учёный, создающий научные теории разной достоверности. Всякий предприниматель, думающий об обретении прибыли, по сути своей является селекционером. Селекционером является человеческий организм, принимающий необходимое для существования и отвергающий лишнее.

В роли селекционера выступает разборчивый рационализатор – человеческий разум. По сути, всякая зарождающаяся мысль предусматривает контрастирующую селективную деятельность интеллекта, ср.: *думать* «подозревать, считать виновным в чем-л.» (МАС): – *Неужто же, неужто вы до сих пор не знали, кто убил Фёдора Павловича? – Нет, не знал. Я всё на Дмитрия думал* (Достоевский); – *Он несколько*

⁶ Этимологически подобного рода деятельность свидетельствуется этимологией терминов, связанных с технологией поэтического промысла: бел. *верш*, пол. *wers*, рус. *версификатор* (арх.) ‘поэт’

не виноват, а ты на него думаешь, – забормотала Алька (Гайдар); бел.: У мяне ўкралі каробку кансерваў. Думаю на Яхімчыка, але маўчу (М. Гарэцкі).

Селекционная деятельность непременно связана с актами элиминации (лат. *eliminare* – выносить за порог, выгонять) – удаление, устранение (ср.: *элиминация* (пал.) ‘избирательное уничтожение отдельных особей или целых групп организмов в результате естественного отбора’ (ТСИС). Поисковая деятельность не может не быть деятельностью селективной. Результатом селекции является обретение наиболее подходящей (эталонной) версии, при элиминации всего, что не подходит и не вписывается в тот или иной облик, противоречит и не встраивается в мироздание. По сути поисковая селекция как процесс моделирования является исходной (базовой) и естественной деятельностью человека, т.к. именно с ней связано его существование в мире.

На уровне социальной реальности селекция проявилась в геноциде, холокосте и т.п. С селективной деятельностью связан печально известный термин социальной санитарии – *чистка*: ‘правка якої-небудзь арганізацыі з мэтай пазбаўлення ад чужых, шкодных або непатрэбных элементаў’ (ТСБМ): *Чыстка... Што такое чыстка?... Чыстка – здаецца, вельмі простае: чысціць... Бяры мятлу – лепей густую ды пацвярдзей – і мяці... Чысці, шаруй. Проста... А як жа камісія павінна глядзець, каб не аставілі ў партыі смецця. От што такое, калі падумаеш, чыстка! Вымесці смецце і аставіць усё добрае! (І.Мележ).*

«Фильтрация», «отделение плевёл от зёрен», большевицкая «чистка» являются не чем иным, как разными версиями селективной осуществления селективной модели, в которых известный сценарий модифицируется и адаптируется к разным физическим и метафизическим (спекулятивным) ситуациям.

1.2.2.1. Предпосылкой существования селективной вариативности является момент сохранения тождества. Происходящие изменения (модификации) не имеют формального характера и связаны с разными и субстанциональными состояниями одного и того же объекта или разных объектов одного рода. В мире субстанции, где отсутствует форма и «другое» – происходит непрерывное становление: каждое мгновение объект заметно или незаметно становится иным, пребывает в ином состоянии, не переставая быть при этом тем же самым объектом. Так, мы наблюдаем разные «ипостаси» одной и той же березы (*эта береза утром, эта береза днем, эта береза летом, эта береза осенью* и т.п.) и выносим неодинаковые впечатления от калейдоскопической цепи реальных перемен. *Вода – водица – водичка* – подобные «вариации на одну и ту же тему» выражают наши разные эмоциональные впечатления от восприятия одной и той же реалии. *Варшава – город над Вислой – самый большой польский город – столица Польши* – перефразистические версии названия города являются его смысловыми интерпретациями.

Мир – арена непрерывно меняющихся событий, в которых, однако, человек способен улавливать идентичность вещей, несмотря на их ситуативные перемены. Под разными обликами («масками», «экземплярами», «копиями», «версиями») объекта мы распознаем тот же самый реальный объект. «Каждое человеческое существо, – отмечает М. Борн, – уже в самом раннем детстве обретает способность различать и распознавать объекты. Потому мир человека является не калейдоскопическим рядом чувственных впечатлений, а осмысленной, непрерывно меняющейся ареной событий, в которой известная реальность сохраняет свою идентичность (разрядка наша – В.С.), несмотря на её изменчивые аспекты. Эта способность мышления пренебрегать разностайностью чувственных впечатлений и отмечать их инвариантный характер (как нечто одно целое) кажется мне наиболее выразительным моментом нашей духовной структуры» [5, с. 281].

1.2.2.2. Способность реалий (физических и виртуальных) к разного рода метаморфозам (превращениям) связана с субстанциальным качеством, называемым пластичностью. В техническом смысле под пластичностью понимается способность материала без разрушения изменять свои размеры и облик под воздействием внешней нагрузки и сохранять эти изменения после прекращения ее. Пластичный объект модифицируется. Происходящие с ним превращения сопрягаются с некоторым внутренним пределом (мерой, межой), ограничивающей их проявление (ср.: рус. *предел прочности* – бел. *мяжа пругкасці, предел терпимости* – *мяжа трываласці* и т.п.). Нарушение меры («беспредел») связано с существованием объекта самого по себе.

Термин пластичность широко употребляется в сфере искусства, которое делится на пластические и непластические виды (*живописная пластичность, музыкальная пластичность, камерная пластичность*). Когда из искусства уходит статичная форма, сменяющаяся динамикой, движением, энергетикой, конфигурацией, искусство становится пластичным. Синонимом пластичности в разных сферах выступают термины *эластичность, лиричность, музыкальность, фигурность, мелодичность, рельефность, плавность* и т.п.

Не имеющие отношения к форме единицы речи обладают качеством пластичности. В частности, пластическим является собственное имя. П. Флоренский пишет: «Оно (имя) податливо, даже услужливо; оно находит в себе энергию жизни и перерабатывается применительно к условиям страны, народности, духу времени, наследственности, даже приспосабливается к своеобразным оттенкам личностных отношений. <...> определённое в себе, имя целиком пластическое и в совершенстве воспринимает каждый нажим на него» [6, с. 93].

Непрерывная калейдоскопическая метаморфоза мира не проходит бесследно; разные «инаковые» версии, возникающие в процессе развития одной и той же сущности по мере необходимости запечатлеваются в памяти и в номинативной сфере языка. Необходимость бывает разной, иногда изощрённой. Так, индейцы Амазонки знали до 300 наименований зеленого, а эскимосы – несколько десятков наименований снега. В качестве образца типичной субстанциальной «версификации» можно назвать разные возрастные перемены, происходящие с объектом в онтогенезе: детство – отрочество – юность – пожилой возраст – старость. Проявленные в разные возрастные периоды состояния индивида сопровождаются номинативной фиксацией в пластичном по сути имени собственном. *Ваня – Иван Петрович...*

Версии не выбирают. В сфере субстанции выбора не дано – здесь господствует поиск. Поисковая деятельность называется промыслом. Фундаментальность данной категории для языка несомненна. «Промышление» есть не что иное, как «схватывание», «ловля». Человек не только производитель, но и великий «селектор» («фильтр»). Селективная технология, понимаемая упрощённо как «схватывание» и «отсеивание», является естественной деятельностью всякого живого существа. С подобной деятельностью связано существование материальной и духовной культуры.

Несомненно, в селективном аспекте необходимо рассматривать акт восприятия, названный глаголом *заметить*. Этот акт лишён тотальности – «схватывается» (ловится) взглядом только то, что бросается в глаза – даётся себя поймать. Взгляд пренебрегает несущественным. Замеченное и есть словленное – продукт восприятия. Понятие *промысел* с полным правом можно распространить на речевую деятельность. В качестве продуктов речевого народного промысла следует рассматривать прозвища, улавливающие и номинативно фиксирующие физический облик объекта: бел. *Яшчэ не стары мужчына, Рыгор быў невысокага росту, крыху таўставаты. Твар яго нагадваў ці не правільны круг. Карыя лупаватыя вочы таксама выглядалі круглымі. За гэта на заводзе яго ўпотаі дражнілі Калабком* (Сердзюкоў); *Каля варот, як чакалі іх,*

стаялі цыган Карл і цыганка Клара. Поўнае яго імя Карл Маркс. І быў ён вельмі падобны на Карла Маркса. Копія яго ў цыганскім выкананні (Казько); Па вук – тлусты, як япрук, аблысёлы мужчына. Ногі тонкія і крывыя, як клешні ў рака, плечы вузкія і пакатыя, як у жанчыны, доўгія, як у малты, рукі, чырвоная шыя, уся ў зморшчках (Чарнышэвіч). Метафізічная сутнасць – сэнс – аб'екта улашчваецца ў рознага рода інтэрпрэтуючых номінатывных актах, прадуктамі якіх з'яўляюцца перифразы: *ароматная прадукцыя ~ парфюмерія, прадстаўніца древнейшай професіі ~ простытутка* і т.п.

Разныя названні аднаго і таго ж аб'екта ствараюць рэфэрэнтнае тавіствасць – каві рэфэрэнтнасць, каві не сласуеі сасіваць с равназначнасцю ілі блізасцю значенняў. Імя не імае значення, аднака абладасць саслуом, раскрываючымся ў экстенсіональных кантэктах – кантэктах тавіствасць. Как справасдіаво атмечасць Д.М. Шмелёв, «необходимо со всех решительностью возразить против смешивания двух целиком разных явлений: близости значений различных слов и способности разных единиц называть те же самые объекты» [7, с. 141]. В. Гумбольдт высказал мысль, что имя не является представителем предмета в нашем сознании – оно выражает нашу точку зрения на реалию. Выражение разных восприятий одного и того же референта – источник его разной номинативной презентации в языке. Так, если в санскрите слон называется то дважды пьющим, то наделенным рукой, ко каждая с таких номинативных единиц содержит в себе особенный смысл, хотя все они называют один и тот же класс референтов [8, с. 85].

Перифрастическим статусом селективного типа абладасць інтэрпрэтуючых номінацый, называючых інстытуцыйнальных акты: рус. *узы Гіменея ~ брак, павіт'ся на свет Божій ~ родіт'ся, умереть (акт смерті) ~ почитать в бозе, жениться ~ связать себя узамі Гіменея, поджечь чью-либо собственность ~ пустить красного петуха* і т.п. Перифрастическими з'яўляюцца такжэ аднакампанентныя саслуовыя дэрываты, вазнікаючых па субстытуцыйнай мадэлі с арганізуючым саслуом «вместо»: рус. *руки ~ грабли, нос ~ рубильник, голова ~ арбуз, ноги ~ оглобли, дом ~ конура, постель ~ берлога* і т.п.

1.2.2.3. Тэхналогіі селекцыйнай дэятельнасці ісходзяць із дыхатомічэскай апэрацыі «А – не-А». Чтабы быць А, неабходна не быць не-А. Імённо так асудзествляецца сааідэнтыфікацыя лчыннасці – поіск сабстваснаго «Я». Я есць тэм, кем я не есць. (Ср. сааудасавасраючый саслу выражасньі тыва: – *Я тебе не Иван. Я не дурак? Я что – идиот?* і т.п.). Дыхатомічэскыя апэрацыі падабнаго рода з'яўляюцца не толькы ісчыннаком ідэнтыфікуючэй дэятельнасці носітэля языка, но і яго ащуссасня стоіаосці(дасоінасць). Разліччэ вавно, распознавание жэ сущасствасно, т.к. сvasзано с сааам бытасм, гдэ аааент «не перепутать» іграет глаавную, а іногда і фатальную, роль⁷.

Контрасціруючэе дыхатомічэскае пратыворечіе саствасляе антывезу аппозывтывной пратывоположносты как аснованію логічэскых аотношеній. Так по-нятые *мужчина* сущасствасць потаму, что дыхатомічэскы контрасцірует с классом едывнцы, мужчынаамы не з'яўляючыхся: *мужчины – не мужчины*. «Не-мужчина» – не значыт жаснацына. Дыхатомічэскае дэленіе не аотносится к логічэскаму аопрэделенію. Частыца *не* імае ў нэм не аотрыцатальное значеніе, а абладасць аогранічывтальны саслуом, позваляючым аотеніть адно понятые на фоне іных, не поаоажых і не родствасных. Аааент «удасавасраенія» неаобычайно сущасствасно для ідэнтыфікацыі той ілі іной саацыальнай ілі бйаологічэскай ролы індыывіда: бел. – *Які ты ж а н і х ! Ну які ты ж а н і х ! – аж закінеў бацька* (Мележ). – *Ты што, не сусед?* (Ткачоў); – *Я ўжо не*

⁷ Чего стоит аптекарь, который на пузырьке с ядом приклеит этикетку «йод», перепутав созвучные номинации *яд* и *ёд*.

дзіця, мама. І даўно бачыў і бачу ўсё, – камячыў у пальцах непрыкураную цыгарэту Косця (Бондар). – Ты ж яшчэ малады мужчына, не зломак і не заморыш (Місько). – Вы, можа, воіны, вы, можа, людзі? (Караткевіч); – Мужчына!.. – сварылася на яго (мужа) іны раз Зойка. – Прыйдзе з работы, сядзе, чытае кніжку. Інтэлігент, бач, фу-ты, ну-ты! Не каб пасля работы рамонтам заняцца (Кажадуб).

Истинное («то») распознаётся через контраст с «не-тем»: Так что семейная жизнь оказалась ещё более «не то», чем служба и придворная должность. Более же всего «не то» было его (князя Нехлюдова) отношение к религии. Он думал, что он верит, но между тем больше, чем в чем-либо другом, он всем существом сознавал, что эта вера его была что-то совсем не то. ...Он больше чем когда-нибудь почувствовал всё это «не то», и ему стало мучительно грустно. (Л.Н. Толстой) – Вяртаюся, дзверы адчыняю, а тут ужо не тое. Не тое. (Кусянкоў) Не пазнаеш зямлі і вясковых людзей – не, не тыя, не тыя яны. (Колас)

Через «то», в речи свидетельствуется прецедентность (лац. *praecedens* – идущий впереди). «То» не указывает на случай, который был в прошлом, а отсылает к инциденту, происходившем в минувшем, к которому умозрительно возвращается говорящий в презентативном настоящем. В прецедентном архаическом «том» нет повторения, отмечается фактографически и воскрешается (всплывает) в памяти происходившее ранее (не в прошлом!) предшествующие состояния, события, люди (*та ночь, тот вечер, те люди* и т.п.). «То» и есть результат селективного отбора.

1.3. Альтернативная и селективная вариативность соотносится с двумя типами изменений/перемен – историческими и архаическими, в частности, говорится об исторических изменениях и архаических переменах. Словосочетание *исторические изменения* устойчиво воспроизводится в контекстах, посвящённых различным областям знания: *исторические изменения грамматического строя языка, исторические изменения институтов семьи и брака, историческое изменение политического ландшафта, общество и исторические изменения, исторические изменения в составе слова, историческое изменение предмета философии, исторические изменения в морфологии и словообразовании глагола, исторические изменения в фонетическом строе языка* (Интернет).

Слово *перемены* встречается в одном контексте со словом *архаические*: доклад «Китайская классическая «Книга перемен» и архаическое конструирование времени»; *архаический период. Это время глубоких общественных перемен в жизни Эллады; некоторые архаические религии смогли выдержать время и приспособиться к переменам; вероятно, потому, что в деревне жизнь течет медленнее, чем в городе подверженном быстрым переменам, русская деревня сохранила архаические символы нашей культуры; архаическая революция узком смысле – это перемена в области социально-политических отношений, которые вызваны экономическими изменениями; архаический ритуал устанавливает статус всех вещей и все способы переживания реальности как некую сокровенных переменах* (Интернет).

Против отождествлению архаизации и устаревания необходимо, с нашей точки зрения, решительно возразить. Во-первых, потому что понятие *старый* не эквивалентно понятию *древний*, а именно с таким смыслом заимствована дескрипция *архаический* в славянские языки (от греч. *archaikos* – древний). Во-вторых, такого рода пониманием нивелируется различие между историческим планом и архаическим аспектом языка/речи, являющееся не только фундаментальным для развития и функционирования языка, но и глобально проявляющееся в области лексики.

Отражением и характеристикой исторического былого (прошлого) и служат слова-историзмы. Историческая лексика повествуют нам о том, что в историческом прошлом были *такие* предметы, действовали *такие* лица. Сейчас же их нет,

потому и обозначения их не используются. Так, изменилась система образования в России – ушли из нашей речи и номинации типа *институт благородных девиц, классная дама, реалист* (учащийся реального училища), *институтка*. История и быт Древнего Рима отражена в словах *кесарь, раб, тиара, патриций, конглав, терма, гладиатор, амфора* и т.п., Древней Греции – *гинекей, гетера, висон* и т.п., Иудеи – *фарисей, бурнус, равви, есей, хитон* и т.п., Малой Азии, Ближнего Востока, Египта, Европы – *сарацин, копт, фараон, трубадур, галльский легион, аутодафе, чура, таляр* и др.

Историческая лексика помогает придать изображению прошлого историческую убедительность, отразить историческую правду. Историческая лексика имеет денотативно-функциональную природу. Денотативная функциональность историзмов отражается в их способности сочетаться с определениями *новый и старый: новая классная дама, новая амфора, новый легион, старый хитон* и т.п. Такие определения отражают последовательные изменения, совершающиеся в какой-л. области, т.е. являются концептами историческими (ср.: *Новая история. Новейшая история. История нового времени*). Во всех случаях денотат слова-историзма – «сделанный», будь то предмет или лицо (*сделать новую амфору, сделать из кого-л. гладиатора, раба* и т.д.). Исторический план лишён институциональности – становления (рождения). Всякое историческое явление – это исторически сложившееся (а не возникшее) явление.

Присутствующее во времени устаревает и функционально не соответствует. При архаизации объект не изменяется – с ним происходят перемены, он утрачивает подобие – становится не похожим на себя, ветшает. Феномены субстанциального типа не изменяются, однако подвержены реальным переменам, т.е. архаизации. Не-корректным будут сочетания: *новая шея, новый лоб, бывшая правая рука, бывшие глаза* и т.п., однако именно номинативными эквивалентами подобных реалий и выступают архаизмы *выя, чело, десница, очи* и т.п. Архаизация – момент развития объекта (субъекта), а не функционирование предмета (лица).

Дифференциальным признаком историзмов и архаизмов считается способность последних иметь синонимы. «Архаизмы – слова, называющие существующие реалии, но вытесненные по каким-либо причинам из активного употребления синонимическими лексическими единицами» [9, с. 540]. Если историзмы – это обозначения устаревших денотатов, то архаизмы – это устаревшие наименования вполне обычных явлений и понятий, с которыми мы постоянно сталкиваемся в жизни.

С нашей точки зрения, употребление архаизмов в речи следует связывать не с синонимией (равнозначностью), а с дублетностью (эквивалентностью) – разными версиями названия одного и того же референта. Назвать одно и то же иначе (ср. пол. *to samo inaczej*) принципиально не то, что использовать близкие по значению слова. Архаизмы и общеупотребительные названия находятся между собой не в синонимичных отношениях, а в кореферентных связях: *сиречь – то есть, зри – смотри, купно – вместе, чревоугодие – обжорство, молодой – молодой, злато – золото, брег – берег, град – город, вран – ворон; клуб (совр. клуб), номер (совр. номер), стора (совр. штора), гошпиталь (совр. госпиталь) око – глаз, уста – губы, ланиты – щёки, десница – правая рука, шуйца – левая рука.*

Архаизмы втянуты в контрастивную сферу языка. Они употребляются на фоне актуальных современных эквивалентов, что и открывает возможности для приобретения и реализации ими номинативной экспрессии – разного рода экспрессивной интерпретации реалий. В сфере экспрессивной номинации реализуется широко распро-

странённая кореферентная контрастивная модель «Не..., а...»: говорится «не путешествие, а вояж», «не пальцы, а персты», «не лоб, а чело» и т.п.

Традиционно архаизмы употребляются для архаизации речи воссоздания древнего колорита эпохи, придания речи возвышенности, создания иронии, сатиры и сарказма: *вертоград* (*сад*), *чертог* (*дворец*), *ретьязь* (*цепь*), *вой* (*воин*), *ланити* (*щеки*), *живот* (*жизнь*), *пря* (*спор*), *глаголи* (*слова, язык*); *подружие* (*супруги, подруга*), *телец* (*теленки*), *возвистити* (*известить*), *возвеселити* (*развеселить*), *воспивати* (*воспевать*) и т.п.

Категории тождества и различия соотносятся с двумя типами вариативности единиц языка/речи – альтернативной вариативностью и вариативностью селективной. Условием альтернативности является оппозитивная возможность выбора элемента из ряда взаимоисключающих элементов. Речемыслительная селективность реализуется как процесс контрастивного поиска, в главенствующая роль в котором принадлежит операции дихотомии. Отмеченные типы вариативности связаны с антитезой ценности (значимости) и стоимости единиц/элементов языка и речевой деятельности, а также противопоставлением исторического и архаического в функционировании и развитии языка/речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ортега-и-Гассет, Х. Эстетика. Философия культуры / Х. Ортега-и-Гассет. – М. : Искусство, 1991. – 588 с.
2. Немецкая классическая философия. – М. : Просвещение, 1972. – 324 с.
3. Засорина, Л.Н. Введение в структурную лингвистику / Л.Н. Засорина. – М. : Высш. школа, 1974. – 319 с.
4. Степанов, Ю.С. Основы общего языкознания / Ю.С. Степанов. – М. : Просвещение, – с. 144.
5. Борн, М. Физика в жизни моего поколения / М. Борн ; пер. с англ. и общ. ред. С.Г. Суворова. – М. : Иностран. лит., 1963. – с. 281.
6. Флоренский, П. Имена / П. Флоренский. Малое собр. соч. Вып. 1. – Кострома : Купина, 1993. – 319 с.
7. Шмелев, Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д.Н. Шмелев. – М. : Просвещение, 1964 – 244 с.
8. Гумбольдт, В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода / В. Гумбольдт // Хрестоматия по истории языкознания XIX–XX вв. / Сост. В. А. Звегинцев. – М. : Учпедгиз, 1956. – С.68–86.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / Акад. наук СССР. Ин-т языкознания ; гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 682 с.

Принятые сокращения

МАС – Словарь русского языка : в 4 т. / Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. ; под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981–1984. – Т. 2. – 1982. – 736 с.

ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / Акад. навук БССР. Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; пад агульнай рэд. К.К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : Беларус. Сав. Энцыклапедыя, 1977–1984.

ТСИС – Крысин, Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. / Л.П. Крысин. – М. : Эксмо, 2006. – 944 с.

СИС – Большой словарь иностранных слов. – М. : ЮНБЕС, 2001. – 784 с.

Siankevich V. Variability: Metamorphoses/changes in Language Development and Functioning

The author considers the basis and preconditions of variability of the language and its elements/units. The article describes two types of variability of the language and speech activity – alternative and selective ones. In the aspect of the considered changes/metamorphoses there are interpreted the phenomenon and reflection in the language of such categories as «historic» and «archaic».

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 28.07.2010